

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона
Пирог из горького миндаля
Закрой дверь за собой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом
Человек из дома напротив
Самая хитрая рыба

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Самая хитрая рыба

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Дизайн серии — Андрей Ферез

Дизайнер — Екатерина Елькина

Фото автора — Светлана Стуканёва

*В оформлении используются работы художника
Екатерины Белявской*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Самая хитрая рыба: [роман] / Елена Михалкова. —
Москва: Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Новый
настоящий детектив Елены Михалковой).

ISBN 978-5-17-119259-4

Что делать, если рядом с вами поселился убийца?
Не следите за ним.
Не злите его.
Не ссорьтесь.
Но главное — не давайте ему понять, что вы что-то
знаете.
Что делать, если вы нарушили одно из правил?
БЕГИТЕ.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44**

© Михалкова Е., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

Анна Сергеевна Бережкова

1

Когда наконец-то купили дом напротив, я обрадовалась. Признаю — это нелепая постройка. С легкой руки насмешливого Яна Прудникова за ней закрепилось название «сераль». Бывший владелец содержал то ли шесть, то ли семь наложниц и давал пиццу для пересудов всему поселку. Все огорчились, когда он оказался в тюрьме.

Последние десять лет сераль пустовал. Мне было жаль его. Дома так быстро умирают, если в них нет человека, — больно смотреть. Каменные стены оплел дикий виноград, кровля некогда прекрасной оранжереи провалилась под тяжестью снега, а из балкона проросла березка — карикатурный синоним пальмы в горшке.

В эстетике упадка есть свое очарование. Но я испытала облегчение, услышав, что вскоре здесь будут жить люди.

Их оказалось двое. Молодая семейная пара: прекрасное соседство для старухи вроде меня.

Впервые я увидела их в начале июля. Стоял жаркий безветренный день. Особая тишина, тишина зноя заполняла его. Я распахнула дверь, чтобы выпустить

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

из комнаты осу. Мой дом очень стар, он разохся, и в его стенах полно щелей. Однако из нас двоих в нем несоизмеримо больше достоинства. Я даже не могу назвать себя маленькой хозяйкой большого дома, хоть по документам он и принадлежит мне одной. Его истинные хозяева давно в могилах. Я кто-то вроде временного хранителя очага, домового эльфа — если бывают эльфы с гипертонией и шейным остеохондрозом.

Оса просочилась в кухню и танцевала над тазом с яблочным вареньем. Шершавые пчелы, слепни, комары — я стараюсь не убивать никого. У меня нет особых убеждений, лишь понимание, что жизнь — ужасно хрупкая штука. К этому неизбежно приходишь, когда и сам ставишься хрупким, точно песочное печенье, которое передержали в духовке.

Оса вылетела, зло жужжа, и я уставилась на пару перед моими окнами.

Они стояли лицом к серало: высокий широкоплечий мужчина с бритым затылком и светловолосая женщина. В том, как он обнимал ее, было что-то странное.

— Перенесешь меня через порог? — со смехом спросила она.

Ответа я не расслышала.

Вечером, разливая варенье по банкам, я сообразила: его рука лежала на ее плече расслабленно и равнодушно, словно под ней было не живое женское тело, а забор или столб.

Через пару дней в дверь постучали.

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Мы — ваши новые соседи.

Ее муж стоял на шаг сзади, принужденно улыбаясь.

САМАЯ ХИТРАЯ РЫБА

По моей спине пробежал холодок. Не знаю, в чем было дело, в его глазах, или в улыбке, или в том, как он возвышался за ней, словно отрезая жене путь к отступлению, но мне захотелось немедленно захлопнуть перед ними дверь и забыть о том, что я встречала этих людей.

Вместо этого я пригласила их войти.

2

За чаем они рассказали о себе.

Его звали Антон Мансуров: тридцать лет, собственный бизнес — две автомастерские в Москве и планирует открыть еще одну. Загорелый, белозубый, с вертикально стоящими, точно густой кустарник над крутым обрывом лба, иссиня-черными волосами. Пожалуй, красивый, если вам по душе люди с волчьими улыбками. Хозяин жизни. В этом нет ничего дурного, пока они распоряжаются только своей.

У его жены руки были совсем детские, с обгрызенными ногтями. Наташа... Я сразу стала про себя называть ее Агнешкой, по имени своей детской игрушки. Агнешка — златорунная овечка, самое трогательное существо на свете. Простое личико, бесхитростная речь — в отличие от Мансурова, который дважды козырнул словом «оксюморон». Боже мой, какая славная девочка, думала я, и как странно, что она замужем за этим жестким и, кажется, недобрым мужчиной.

Отпивая чай, она сказала, что работала медсестрой, но уволилась пять лет назад, когда у них родился ребенок.

Я вздрогнула. Ребенок?

Не знаю, отчего меня это так удивило.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Ее зовут Лиза. А у вас есть дети, Анна Сергеевна?

Я покачала головой. В ее глазах не появилось неуместного сочувствия, как это часто случается с молодыми матерями, слышащими о чьей-то бездетности; они тотчас подыскивают бедняжке место в своей прямолинейной системе координат, где по оси *X* откладывается количество детей, а по оси *У* — уровень счастья. Эти твердолобые голубки вызывают во мне такое же раздражение, как и адепты разнообразных теорий по классификации хомо сапиенсов, — доморощенные психологи, вульгарные толкователи душ.

А может, мне просто претит мысль, что я и впрямь с легкостью вписываюсь в трафаретный образ одинокой старухи.

Мы мимоходом коснулись воспитания малышки и обстоятельно побеседовали о восстановлении коттеджа. У Мансурова загорелись глаза, когда он стал перечислять, что намеревается сделать в саду. Вырубить деревья, выкопать бассейн, устроить детскую площадку с горкой...

— А вы? — спросила я Наташу. — Что бы вы хотели?

Меня не оставляло ощущение, что хотят они разного.

Она подняла на меня ясный взгляд.

— Я бы оставила все как есть. Сад зарос и похож на сказочный. В детстве у меня была книжка...

— У всех в детстве были книжки, — оборвал ее муж. — Но живем мы в реальности. Ты еще предложи бантик лисе повязать.

— Антон собирается пристрелить лису, — извиняющимся тоном сказала Наташа. — Они переносят бешенство.

Я прекрасно знаю эту лису! Она выходит к огородам на дальнем конце поселка, чтобы таскать цыплят, но время от времени заглядывает и к нам. Стоит на

САМАЯ ХИТРАЯ РЫБА

границе леса, изредка поднимая остренькую мордочку и нюхая воздух.

Мы все молча любим ее, не признаваясь друг другу. Даже владелец безвременно почивших куриных птенцов, грозившийся поставить на нее капкан, ограничился угрозами.

Казалось бы, простой зверек — лиса, но в том, что она прибегает к нам здесь, всего в полусотне километров от мегаполиса, и знает наш поселок, и что-то размышляет себе в своей маленькой рыжей голове, — во всем этом есть какое-то чудо.

Однажды мне встретился лось. Я собирала грибы, когда он выплыл, ломая кусты, — бурый ледекол, сминая торосы, — и сильно встряхнул обомшелыми рогами, словно пытался сбросить с головы невыносимую тяжесть. Увидев меня, лось пошлепал мясистой нижней губой, как шамкающий старик, подбирающий слова для приветствия, неуклюже развернулся и побрел обратно. Несколько дней я ходила потрясенная этой встречей, будто мне доверили нечто бесценное, чего я не заслужила.

А теперь, значит, пристрелить лису.

— Не нужно этого делать, — сказала я с чрезмерной, кажется, сухостью. — Лиса не бешеная.

— А вам откуда известно? — удивился Мансуров.

— Она здесь своя.

Он усмехнулся:

— Так и мы теперь тоже не чужие.

Нет, вы чужие, хотелось сказать мне, убирайтесь, откуда явились, не смейте вторгаться в наш мир и начинать с угроз, кто вы такие, чтобы убивать моих друзей? Да, черт бы вас побрал, я одинокая старуха, у меня их наперечет, так оставьте мне мою жизнь с теми, кого я сама выбрала в спутники!

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Когда Мансуровы уходили, я смотрела на них из окна. Он шел твердо, как человек, всегда знающий, куда ступить. Она шла за ним след в след.

3

На следующий день я собиралась в магазин, повторяя в уме перечень покупок. Сахар, корица, кефир, подсолнечное масло и свекла для винегрета. Существует мнемонический способ запоминания подобных списков, и я пользуюсь им с тех пор, как обнаружила, что память начинает меня подводить. Итак, я мысленно легла в ванну, наполненную теплым подсолнечным маслом. Искушавшись, намазала щеки свеклой, повалилась в корице, чтобы выглядеть загорелой, лихо втянула носом с кухонного стола две дорожки сахара («Криминальное чтиво» — вот мой неисчерпаемый источник знаний) и поплыла по кефирной реке в сторону магазина. Чем абсурднее визуальный ряд, тем крепче он запоминается.

Я распахнула дверь. Раздался чей-то вскрик, и сразу ударил выстрел.

Потревоженная воронья стая снялась с тополя и принялась, каркая, кружить над поселком.

Лиса!

Я побежала очень быстро — о, только попыталась! Один рывок, и лодыжку пронзила боль. Я схватилась за перила, чтобы не упасть, добралась до калитки, подволакивая ногу, и поковыляла к коттеджу напротив. Выстрел был один — вот о чем я думала. Антон Мансуров — не тот человек, чтобы удержаться от второго, если зверь бежит прочь. Это означало, что ему хватило и одного.

— Анна Сергеевна!

САМАЯ ХИТРАЯ РЫБА

Я обернулась, чуть не плача, и увидела Яна Прудникова.

— Что с вашей ногой? Вы знаете, кто стрелял?

— Мансуров... лису...

Ян Валерьевич не из тех людей, которым приходится объяснять дважды. Он подхватил меня под руку и усадил на скамейку перед палисадником.

— Ждите здесь. Я все выясню.

У дороги растет пышный куст жимолости. Он закрывал мне обзор, и пришлось полагаться на слух.

Шелест травы, трель звонка, испуганный женский голос и неожиданно жесткий — Прудникова.

Невдалеке из песчаного смерча возникла Ирина Тетерина. Она — рой разъяренных пчел в обличье невзрачной полноватой женщины средних лет, бывшего преподавателя по игре на фортепиано, растерявшего всех учеников. Если мир фальшивит, Тетерина лупит его линейкой по пальцам, пока тот не возьмется за ум. Не люблю ее: она криклива, чудовищно самодовольна и, по большому счету, неумна, однако сейчас я была рада ей как никогда.

— Это вы стреляли? — накинулась она на меня.

— Побойтесь бога, Ирина Юрьевна. Стреляли у Мансуровых. Кажется, в лису.

Она ринулась к коттеджу, и пронзительный голос разнесся над улицей, перекрывая вороний грай.

— ...как вы смеете... нарушение режима... обеспечение тишины силами всех жителей...

— А чего вы мне выговариваете, как мальчишке! — Это уже Мансуров.

Я невольно усмехнулась. Вот перед нами человек, выпустивший наружу ядовитых пчел! Старожил не сделал бы такой ошибки.

— Вы и есть мальчишка! Не смейте перебивать меня, я не договорила! Вы знаете, с кем разговариваете?

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Вы здесь никто... как влетели, так и вылетите! ...добьемся на собрании... прецеденты... невероятная наглость...

Перекричать или переспорить Тетерину невозможно. Каждое слово ее ввинчивается в вас и жалит, пока вы бестолково отмахиваетесь и пытаетесь найти способ остановить это безумие.

— ...четыре почетных грамоты от мэрии! — ярилась Тетерина. — Благодарность от родителей...

О, перешла к заслугам перед отечеством. Бегите, господин Мансуров, бегите.

Рядом со мной опустился на скамейку Прудников.

— Живая, — сказал он, отвечая на невысказанный вопрос. — Я отведу вас в дом, Анна Сергеевна.

— Ерунда!

— Если не жалеете себя, пожалейте мои уши.

Даже сквозь закрытые окна было слышно, как Ирина Юрьевна отчитывает супружескую чету.

— Вы уверены, что лиса спаслась? — спросила я.

— Абсолютно. Его жена закричала и спугнула зверя. Стрелок был очень недоволен.

— Что вы ему сказали?

Прудников махнул рукой.

— Пустое! На ногу наступать можете?

— Могу. Мне уже лучше, честное слово.

Это была правда. Как только я услышала, что выстрел не поразил цель, боль ослабла.

— Какой отвратительный человек! — вырвалось у меня.

— Но чем ему досадила лисица?

— В том-то и дело, что ничем. Мансурову взбрело в голову, что она бешеная.

— Если смотреть на вещи непредвзято, в этом есть зерно истины, — согласился Прудников. — Здоровые лисы крайне редко выходят к людям, наша — удиви-

САМАЯ ХИТРАЯ РЫБА

тельное исключение. Откровенно говоря, я подозреваю, что это не лесной зверь. Возможно, она жила в клетке у кого-то на даче, а потом сбежала и теперь бродит неподалеку от человеческого жилья.

— Надеюсь, он не начнет снова палить в нее, — пробормотала я, думая о своем. — А вдруг она больше не придет?

— Придет, — успокоил Прудников.

4

Он оказался прав. Лиса появилась на третий день. Будто услышав мою тревогу, вышла из леса с нашей стороны, постояла с полминуты — и вновь исчезла в зарослях.

Радость от ее возвращения меркла при мысли, что Мансуров не оставит ее в покое. Такие люди не терпят поражения. Меня не лишили моего маленького друга, но теперь все наше общение было отравлено страхом.

Я говорю «наше общение», прекрасно сознавая, как комично звучат мои слова. Лиса знать не знает о моем существовании.

Иное дело — кот!

Когда-то у меня был свой кот. Его давно нет, а я все не могу избавиться от привычки прятать шнурки внутрь ботинок и отодвигать тарелки от края стола.

У него часто выпадали усы, и я находила на полу длинные белые стрелы. Недавно заметила под креслом одну такую и обрадовалась — кот приходил! — забыв на мгновение, что он умер четыре года назад.

Конечно, это оказался просто высохший стебелек, вдруг просиявший в солнечном луче.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Мне хочется думать, что ушедшие любимые иногда посылают нам весточки. У них там сложности со связью, они вынуждены обходить главного ангела по цензуре, и потому их послания бывают загадочны и мало напоминают письма. Но тот, кому адресовано, поймет. «Мне хорошо здесь, я по-прежнему усат и прекрасен, не скучай, не плачь, не плачь».

Я сохранила стебелек на полке.

В начале весны на моем пороге объявился гость. Безухий бродяга с жилистым телом и совиными глазами. Он сидел под кустом чубушника, когда я вышла с мусорным ведром, и канул в темноту, едва я шагнула к нему. Но вечером снова возник на крыльце. Длинный, как у ящерицы, хвост свисал с перил. Кот горбился и смотрел исподлобья.

Я вынесла ему овсяной каши, в которую покрошила курятину. Бродяга дождался, пока я отойду, и с рычанием ринулся в миску, как коршун на добычу.

С тех пор он навевывается раз в пару дней.

Я не стала придумывать ему кличку. Мы даем имена, чтобы присвоить того, кто их носит, сделать частью своей жизни. Дожив до семидесяти, я пришла к тому, чтобы дать не только себе свободу от других, но и другим свободу от себя. Пусть даже этот кто-то — всего лишь бездомный кот.

5

Между коттеджем Мансуровых и соседним есть тропа, выводящая к лесу. Каждый день, если позволяет погода, я хожу этим путем. Сперва вдоль забора меня встречают одичавшая малина, полынь и светло-желтые мордочки львиного зева под ногами, чуть поодаль — душистая земляника.

САМАЯ ХИТРАЯ РЫБА

Идешь — и долговязый дудник распахивает над голо-
вой белые зонтики, возле которых вьется безобидная
мошкара, а мышинный горошек, обвивший штакетник,
кивает синими головками. На опушке пламенеет оди-
нокий куст барбариса, дозорный на границе лесных
владений. А за ним — просторная дубрава, где зарос-
ли сныти в тенистых овражках, и папоротники, и ле-
щина с гроздьями молочных орехов и тяжелыми, как
рыбачья сеть, паутинами.

Ах да, и клещи.

В среду утром я выпила свой чай с булочкой, дошла
до тропы и в недоумении остановилась. Проход меж-
ду заборами был перегорожен оцинкованным профна-
стилом.

— Стучать не надо! — громко отозвались с крыльца.
Поверх забора на меня смотрел Антон Мансуров.

— Это ваших рук дело? — растерянно спросила я.

— Надоело, что все таскаются мимо. — Он спустил-
ся и подошел к приоткрытой калитке. — Все же любо-
пытные! Всем поглядеть надо, что у нас в саду. А мне,
может, голышом гулять хочется.

— Но это не ваша территория! Это общественная!
Такой же проход есть возле Тетериных, спросите у
любого, вам скажут...

— А мне зачем спрашивать? — Мансуров искренне
удивился. — Кому не жалко, что на него пялятся все
кому не лень, тому флаг в руки.

— Так поменяйте забор на сплошной!

— Займусь этим на следующий год. А пока бу-
дет так.

На следующий год?

— Послушайте, это вопиющее безобразие, — гнев-
но сказала я. — Вы не имеете права! Я пользуюсь этой
тропой каждый день, чтобы выходить напрямую в лес.

Он пожал плечами: